

*Ребята – при часах,
девчата при серьгах,
живите – при сейчас,
любите – при Всегда,*

*прически – на плечах,
щека у свитерка,
начните – при сейчас,
очнитесь – при всегда.*

Маркером субстантивации оказывается сочетание «бывших» наречий с предлогом: *А между прочим, на СЕЙЧАС надо смотреть из ПОТОМ* (В. Токарева).

Могут субстантивироваться и некоторые наречия места:

Я к вам приду в коммунистическое далеко... (В. Маяковский); *Зимний вечер с вином в нигде* (И. Бродский); *«Дорога в куда»* (А. Ре).

Отметим употребление наречия места по аналогии с предложно-падежным сочетанием в обстоятельственной функции (*из* + имя собственное в форме родительного падежа), навеянное, возможно, прецедентным текстом (*Из России с любовью*):

Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря (И. Бродский).

Ср также: *«Человек ниоткуда»* (название к/ф) – *Человек из «ниоткуда»* (газетный заголовок).

Субстантивация наречий может быть рассмотрена как связующая область между узуальной и окказиональной субстантивацией. Вероятно, на основании частотности употребления можно говорить (с определенной осторожностью) о движении к узусу субстантивированных наречий со значением времени и места, которые, позволяя представить время и место как предмет, сохраняют связь с объективной действительностью. Однако их субстантивация синтаксически обусловлена: связана с определенными падежными формами. Субстантивация наречий других семантических разрядов преимущественно окказиональная. Представляется перспективным сопоставление субстантивации наречий в других языках.

Литература

1. Высоцкая, И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка / И.В.Высоцкая. – М.: МПГУ, 2006. – 304 с.
2. Высоцкая, И.В. Субстантивация в свете теории синхронной переходности И.В.Высоцкая. – Новосибирск: НГПУ, 2009. – 192 с.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русск. яз, 1990. – 921 с.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х т. – М.: ОГИЗ, 1935-1940. – 1500 с.

Ф.Х. Гильфанова, Р.Т. Гильфанов (Тюменский государственный университет)

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Наука о сопоставлении языков возникла в глубокой древности, когда люди столкнулись с потребностью объясняться с носителями других языков, других культур. Первыми исследователями, занимавшимися сопоставлением языков, были составители двуязычных переводных словарей, которые, исходя из своих практических знаний, словам иностранного языка подбирали соответствия в своем родном языке. В то время не было никаких методов сопоставления языков, тем более не существовало и самого понятия «метод сопоставления языков». В связи с расширением лингвистического кругозора путешественников, знакомст-

вом их с большим количеством языков были предприняты первые попытки установления родства языков, целью которых было объяснение причин сходства и различия между ними. Для сравнения языков большое значение имело изучение санскрита, языка индийских священных книг, о котором Европа узнала в 80-х годах XVI века из писем итальянского путешественника Филиппо Сассетти. В 1583-1588 гг. он посетил Индию и познакомился там с языком индийских священных книг. В своих «Письмах из Италии» он привел несколько санскритских слов, обращая внимание на их сходство с итальянскими. Посредством других миссионеров в Европу также проникли и другие сведения о санскрите, которые стали более достоверными в XVIII веке благодаря англичанам, побывавшим в Индии. Факт существования в далекой Индии языка, родственного известным европейским языкам, породила понятие языкового родства. При помощи индийских грамматистов европейцы научились анализировать языковые формы, вполне точно и определенно устанавливая их сходные и отличительные черты. Сталкиваясь с точными формулировками санскритской грамматики или тщательно проанализированными лексическими формами, европейские ученые находили подобные явления в своем родном или каком-нибудь из известных им языков.

В течение некоторого времени существовало представление о том, что европейские языки произошли от санскрита. Но это представление вскоре уступило место более правильному объяснению. По предположению Л. Блумфилда, мысль о том, что «санскрит, латынь, греческий и т.д. – это различные, более поздние формы какого-то доисторического языка, была впервые высказана первым крупным европейским санскритологом сэром Вильямом Джоунзом (1746-1794) в речи, произнесенной им в 1786 году. В ней он подчеркивал, что явное сходство санскрита с греческим и латинским языками не может быть результатом простой случайности, но свидетельствует скорее о том, что все эти три языка «возникли из одного общего языка, который, возможно, уже не существует» [1;13]. Однако сравнительному изучению индоевропейских языков мешало отсутствие систематически обработанного материала и описательных сведений родственных языков. И все же, несмотря на недостаточность знаний, оно стало одним из основных и наиболее успешных разделов европейской науки XIX века. Определены общие предпосылки исторического и сравнительного изучения языков. Позднее было обнаружено сходство санскрита с так называемыми иранскими, балтийскими и славянскими языками. Примерно в начале XIX века знание санскрита стало обязательной частью подготовки европейского ученого. На примере индийских грамматик европейские языковеды впервые познакомились с полным и точным описанием языка.

В римском языкознании появились работы, посвященные сопоставительному изучению греческого и латинского языков. Сопоставляя латинский язык с греческим, римский ученый-энциклопедист Марк Теренций Варрон (116-27 гг. до н.э.) обосновал наличие в латинском языке отложительного падежа (аблатива). Трактатом немецкого языковеда Франца Боппа (1791-1867) о глагольных окончаниях в санскрите, греческом, латинском, персидском и германских языках, опубликованном в 1816 году, было положено начало сравнительному изучению индоевропейских языков. В 1818 году датчанин Расмус Кристина Раск (1787-1867) доказал, что слова в германских языках обнаруживают в своем звучании закономерные формальные соответствия со словами других индоевропейских языков. Подчеркивая важность звуковых законов, он отмечает «когда в двух языках есть соответствия в словах такого рода и в таком количестве, что могут быть установлены законы относительно буквенных переходов из одного языка в другой, то между этими языками имеются близкие родственные связи [1; 37].

Самые первые работы, которые поставили сопоставление на научную основу, появились в Германии в начале 19 века, когда немецкие ученые Ф. Бопп и Я. Гримм опубликовали свои первые работы по сравнительно-историческому языкознанию, которое представляет собой область языкознания, объектом которой является установле-

ние соотношения между родственными языками и описание их эволюции во времени и пространстве. Она стала первой отраслью языкознания, которая занимала ведущее положение в лингвистической науке в XIX веке и с помощью которой было установлено общее происхождение многочисленных групп языков, вытекающее из того, что они образовались от одного языка-основы (праязыка) путем его распада из-за дробления коллектива-носителя.

Все вышеизложенное показывает, что основной задачей сравнительно-исторического языкознания является доказательство их генетического родства, основывающегося на закономерных соответствиях, главным образом, фонетических элементов данных языков.

Сравнительно-сопоставительная же лингвистика не знает таких ограничений. Она может сравнивать любой язык с любым другим языком и, выявляя различия между ними, не ищет исторических объяснений этим различиям. Первоначально данное направление ученые называли термином «контрастивная лингвистика» или «контрастивное языкознание», поскольку сопоставительное языкознание сосредоточивало свое внимание на выявлении контрастов в изучаемых языках, то есть его интересовало, прежде всего, то, что отличает сопоставляемые языки друг от друга и что может оказаться фактором, обуславливающим межъязыковую интерференцию. В настоящее время такое сравнение, позволяющее выявлять только различия (контрасты) между языками, проводится в дидактических целях для выделения объектов обучения. Так, например, в учебниках по немецкому языку указывается, что система глагольных времен имеет три формы прошедшего времени в отличие от русского глагола, имеющего только одну соответствующую форму, что создает некоторые трудности при изучении русскоязычными учащимися и студентами немецкой глагольной системы.

Учитывая все вышеизложенные факты в истории развития сравнительного языкознания, ученые выделяют в ней четыре основных периода, *первый* из которых характеризуется как стихийный, или эволюционный. Он начинается вместе с появлением первых лингвистических работ: при составлении отдельных грамматик, различных трактатов языковеды уже пользовались готовыми моделями по принципу аналогии. Этот период завершается незадолго до Ренессанса.

Второй период характеризуется как период становления языкового сравнения, когда появляются первые обобщающие труды в этой области. К основным произведениям такого типа относится «Грамматика Пор-Рояль в индоевропеистике (XVII в.)», а на материале тюркских языков – «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского и др. *Третий период* истории развития лингвистической типологии связан с возникновением сравнительно-исторического языкознания, с появлением генеалогической и типологической классификации языков. *Четвертый период* связан с выделением научной лингвистической типологии в качестве самостоятельной научной дисциплины. Он совпадает с XX веком, временем бурного развития типологических наук в мировом масштабе, характеризующегося делением лингвистической типологии на различные конкретные области, такие как структурная, генетическая, ареальная, сравнительная типологии.

Сравнительно-историческое индоевропейское языкознание – это первая отрасль лингвистики, которая смогла претендовать на звание подлинно научной. Установленные в его рамках строгие системы фонетических соответствий послужили доказательством общего происхождения больших групп языков. Процедура языкового сравнения и основанной на нем языковой реконструкции оказалась настолько строгой, что позволила восстанавливать звуки и морфемы, поначалу нигде не засвидетельствованные и найденные лишь после того, как было высказано предположение об их существовании. Четкое осознание фонетических соответствий позволило ученым выделить в языке две важнейшие единицы: фонему (то, что соответствует в родственных языках) – мини-

мальную единицу языка и морфему (необходимое окружение, в котором можно установить родство фонем) – минимальную значимую частицу языка. Сравнительно-историческое языкознание – это тот исток, который питает другие отрасли лингвистики. Велика его роль и в становлении сравнительно-типологического языкознания, структура которого является базой классификации языков мира. Типологическая лингвистика ставит уже более широкие задачи для изучения специфики языков на фоне тех общих черт, которые свойственны человеческим языкам вообще.

Литература

1. Березин, Ф.М. История лингвистических учений: Учебник для филол. спец. вузов. – 2-е изд., испр. и доп. / Ф.М. Березин. – М.: Высш. шк., 1984. – 319 с.
2. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков: Учеб. пос. для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» - 3-е изд., дораб. / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1989. – 288 с.

А.К. Жумабекова

(Казахский национальный педагогический университет имени Абая)

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ

К концу XX – началу XXI века в лингвистике сложилось представление о языке как динамической системе, находящейся в состоянии неустойчивого равновесия и в постоянном состоянии перехода от одного состояния устойчивости к другому.

Философская наука выдвинула ряд общесистемных принципов – целостность, структурность, иерархичность, взаимозависимость системы и среды, множественность описания каждой системы [1; 610].

Рассмотрим первый из них. Чрезвычайно важным представляется нам вывод о том, что в истинном целом только одна из частей составляет его основу и сущность всех других частей. Развитие реального целого предстает в форме субстанциональной части, которая по сути равна целому. Процесс познания действительно данного конкретного целого предполагает, следовательно, нахождение того субстанционального звена, развитием которого формируется все целое. Движение целого как постоянное воспроизводство и в то же время изменение себя отличается от движения исходной части, порождающей другие свои части, но сохраняющей себя. Эта исходная часть целиком превращается каждый раз в свою противоположность и, пройдя ряд существенных метаморфоз, возвращается к своей исходной форме, но с иным, обогащенным, новым содержанием.

Если связь между частями системы является сильной, то система предстает как неразложимая. Такова система языка, и, в частности, ее лексическая подсистема. В этом случае логическая наука ориентирует не на расчленение (т.е. анализ), а на поиск и выделение особенных субстратных, структурных единиц, обладающих максимальной всеобщностью к постоянной воспроизводимостью (т.е. на синтез, понимаемый как некий конструктивный процесс).

Таким образом, на наш взгляд, интерес для исследователя (особенно при рассмотрении типологически контрастных языков) представляют не столько языковые системы – в узком или широком смысле, – сколько структуры языков.

При экстраполяции теоретических положений смежных наук на лингвистический план очевидным становится рассмотрение языка как целенаправленной, динамичной, гипотетической системы. Результаты предшествующих лингвистических исследований позволяют причислить к особенностям языковой системы такие свойства, как изменчивость, адаптивность и способность к саморегуляции [2; 194-195].